

С-232 тл.

62095

БОРНИК ТАТАРСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ (ДРЕВНО-
ЛЮЦИОННОЙ)

62095

ПРОРОЧЕСТВО

1850

X

V.N. Karazin Kharkiv National University

00754516

6

8c9^{tw}(082)

WS

2.0

34
СЕРИЯ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

C 232-ТЛ

Л.К.

СБОРНИК ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ)

as

3419

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. РАДИМОВА
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
П. КОГАНА

58
Прозвон
ЦНБ 1931

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА ★ 1931 ★ ЛЕНИНГРАД

В настоящем сборнике представлены образцы творчества поэтов и беллетристов Татареспублики дореволюционного времени.

Русский читатель незнаком с этой самобытной, творчески-ценной литературой, и задачей сборника является хотя бы в общих чертах восполнить этот пробел. Дооктябрьский период татарской литературы является исходной точкой для дальнейшего ее развития уже в других социально-политических условиях.

Хотя в послеоктябрьской татарской литературе и продолжают участвовать многие поэты и беллетристы дооктябрьского периода (Г. Ибрагимов, Ш. Кемаль, М. Гафури и др.), представленные в сборнике, но эта литература после революции сильно изменила и свое содержание и социально-идеологическую трактовку, а также в значительной степени внешнюю форму, включив в себя ряд новых имен (Такташ, Наджми, Усманов, Максуд, Гумеров, Сайфи, Гали, Юлты, Джелаль, Мансур и др.).

Следующий сборник по татарской литературе должен ознакомить русского читателя с творчеством, насыщенным содержанием революционной эпохи.

Самое близкое и непосредственное участие в работе над этим сборником принимал Галимджан Шараф, которому и приношу свою признательность.

П. Радимов.

РАЗБИТАЯ НАДЕЖДА

Нынче у меня в очах переменился цвет вещей.
Видно, юность пронеслася, и полжизни, зная, за мной.
Если в небо этой жизни взор вперяю и смотрю, —
Гаснет месяц на ущербе, серп не светит золотой.
Сколько б строк ни написал я, как бумагу ни чертил,
Не сверкнет любовь оттуда искрой чистой, молодой.
Муза светлая, святая! Мало пела ты зачем?
Ты уходишь, гаснут песни, расстаемся мы с тобой.
Птица сердца улетает, клетка мира ей тесна,
Радостной она явилась, но для мира не родной.
Как бы я ни пел печально в заповедных деревьях,
Все деревья те посохли, ни единого с листвою.
О, возлюбленная сердца, даже ты не стала мне
Лучезарною улыбкой, осветившей путь земной!
О, моя родная мама, со слезами на глазах
В мир меня ты породила, но для мира я чужой.
И с тех пор, как целовала ты меня в последний раз,
От дверей любви отвергнут был я черстою судьбой.
На твоей могиле камень всех сердец людских теплей,
Здесь я плачу самой горькой, самой сладкою слезой.

1910 г.

Перев. П. Радимова.

ПОЭТ

Когда пройдут года, я буду стариком,
С горбинкой на спине, с морщинистым лицом, —
Душа останется и сильной и большой,
И не погаснет пыл сердечный, молодой.

О, если жив в душе огонь моих стихов,
Я горы подымать и стариком готов!
В душе моей лишь день, душа ясна сама,
Не сыплет в ней снегов холодная зима.
А постарею я, то, старым не подстать,
Не буду, сидючи, молитвы бормотать.
Бог даст, что и на печку не полезу я:
Уделит мне тепло поэзия моя.
И в свой последний час я буду петь и петь.
Предстанет Азраил, но мне не утерпеть,
Я буду петь, пока бросают горсть земли:
«Вы остаетесь, а мы от вас ушли!»

1908 г.

Перев. П. Радимова.

БУРАН

Было тихо. Вдруг в тумане скрылся свод небес:
Снег несется, снег кружится, вьется снег, как бес.
Беспощадно ударяет, клонит вниз лицом.
Стало черное волками, вежи — вороньем.
Через снег лучи струятся, словно тихий сон.
Месяц в страхе: то желтеет, то бледнеет он.
Путь весь день лежал спокойно мертвою змеей, —
Так откуда же бурана этот страшный вой?
Иль сорвались с цепи джинни¹ из-за Кафских² гор,
Иль у бога вся перина лопнула в простор,
И летят из ней снежинок легкие пушки,
И пушинки ловят джинни наперегонки?
Я обижен, но смеется месяц свысока.
Как богач, он на бродягу смотрит с чердака³.

1912 г.

Перев. П. Радимова.

СВОЕНРАВНАЯ ЛЮБОВЬ

Утомился отрок летнею жарой.
Он берет ведро с холодной водой.
Обнаженный, он боится воду лить.

¹ Б сы, черти.

² Черные горы.

³ Чердак у татар — особое помещение под крышей для отдыха богачей.

Знает: холод будет тело щекотить.
 То кладет ведро на землю, то берет,
 Но страшна вода студеная, как лед.
 После мук, собравшись с духом горячо,
 Он бросает воду мимо за плечо.
 Оглянувшись, думает: «Пускай устал,
 Хорошо еще, что в тело не попал».
 Это я писал в пример любви моей.
 Много сходного с написанным у ней.
 Я люблю, с ума схожу по милой сам,
 Но бегу от ней, как леший по лесам.
 На дороге повстречаюсь, не смотрю;
 Пусть не знает, что я пламенем горю.
 Я чужую ставлю подпись на стихах,
 Не прочла бы про любовь мою в строках.
 Есть известье, что уехала она.
 Приглянулася ей родная сторона.
 Где уж мне послать письмо или привет, —
 Хорошо, что скрыл любовный свой секрет.
 А, пожалуй, догадалась и она,
 И скрывает от меня теперь сама?
 Не хочу я больше думать ни о чем.
 Ей стихи стелю узорчатым ковром.
 Если до дому по ним она пройдет,
 Честь великую поэту принесет.

1908 г.

Перев. П. Радимова.

ПРОСЬБА

Юным — молнией сверкал и гремел, как сильный гром.
 Нынче сердце у меня не горит былым огнем.
 Я свободу потерял, мысль закована в цепях.
 Прежде, вольный, я срывал звезды на небе ночном.
 Взяли голубя из рук и ворону дали мне.
 «Чистый голубь нужен мне», я молил лишь об одном.
 Это не душа моя, это дело только рук;
 Не сердитесь, что займу вас пустым, как сор, стихом.

1912 г.

Перев. П. Радимова.

ОСЕННИЕ ВЕТРЫ

Осень. Ночь. Уснуť нет силы. За стеною ветер плачет;
 То не ветер: люд голодный в страхе смерти лютой плачет.
 «Мой любимый сын, рабочий, не имеет корки хлеба».
 Это мать земля святая, к нам заботливая, плачет.
 Если здесь кокетке старой ставят зубы золотые,
 Там: «Кусочек хлеба» — молит молодая дева, плачет.
 Вот мужей погибель видя, им ломоть был нужен хлеба,
 И жалея брать их душу, Азраил в печали плачет.
 Если бедняки страдают, что за праздник, что за радость:
 Ибо у себя в гробницах Авраам, Измаил плачут.
 Если здесь такбири¹ сытых очень весело смеются,
 Тамошний такбирь услышав, всякий горестно заплачет.
 Осень. Ночь. Глухая темень. За стеною ветер плачет.
 Ветер — весть: народ голодный в страхе смерти лютой плачет.

1911 г.

Перев. П. Радимова.

УНИЖЕННОЙ

Ты прислонилась на углу к столбу.
 Лицо желто, как лист опавший.
 Не может сердце не жалеть тебя:
 Такая скорбь в глазах уставших.
 Ты смотришь птицей, раненной стрелком,
 Собакою, лишенной крова.
 Я вижу: губы шевельнулись вдруг.
 Клянешь ты богача какого?
 Да, с ангелов любые богачи
 Сорвать их крылья будут рады.
 Когда же совесть дьяволу отдашь,
 Промолвят: «Ей дорога к аду!»
 На-днях я видел твоего врага.
 Кейфует он и веселится.
 Злодей блаженствует, но сохнешь ты,
 На душу камнем стыд ложится.
 Не знаешь ты, что около тебя
 Поэт проходит с чутким сердцем
 И что дрожит за твой тяжелый стыд
 Его взволнованное сердце.

1909 г.

Перев. П. Радимова.

¹ Молитва, славословие.

НА ЗАВОДЕ

День работай денской,
Нету отдыха мне.
Не машина — дракон,
Взглянешь — дрожь по спине.
Вот так жар — сущий ад.
Медь, краснея, кипит.
За работой бедняк
Ошалелый стоит.
Похудел он в груди,
На лицо пожелтел,
На спине вырос горб,
Свет в глазах потемнел.
Ну и дым, ну и дым!
Невозможно дышать.
Долго ль в шуме колес
Память всю потерять?
Убежать бы теперь
За кромешную дверь
На луга, на простор,
На зеленый ковер,
Где приволье, уют,
Жаворонки поют,
Где пшеница растет,
Земляника цветет!

1909 г.

Перев. П. Радимова.

В ТЯЖЕЛУЮ МИНУТУ

Если б через мост рождений не ходить,
Если б жизни чашу горькую не пить!
Никогда не кончит жизнь круговорот.
За зимой весна проходит в свой черед.
Где последнее пристанище найду?
Я взволнован, я в мучительном бреду.
Не всходи ты, солнце, словно кровь горя.
Не стелился белым саваном, зоря.
Нету сил покончить жизнь своей рукой,
А болезни все проходят стороной.

1912 г.

Перев. П. Радимова.

ВЕЧЕРНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Я пишу и вижу: гаснет у меня свеча моя.
А в груди теснятся чувства, выливаясь за края
На бумагу. «Только б кончить мне при свете удалось!»
Говорю и по бумаге ставлю буквы вкривь и вкось.
Позабыл совсем про точки. Не до них мне. Поутру
Все написанное сам я как-нибудь да разберу.
Время малое проходит, пламя вспышку подает,
Вот сверкнуло, вот шатнулось, вот погасло в свой черед.
Что же делать? Поневоле я ложуся на кровать.
Вереницы разных мыслей не дают спокойно спать.
Окруженный темнотою, предаюсь раздумью я
И, взволнованный слезами, говорю: «Свеча моя,
Хорошо тебе — погасла ты сегодня навсегда.
Если б мне не пробуждаться вплоть до страшного суда!»

1912 г.

Перев. П. Радимова.

ОТРЫВОК

Сил своих на черный день сохранить я не сумел;
Ни один из этих дней, мной прожитых, не был бел.
На пути моем врагов было больше, чем собак.
К угнетателям народа я прикнуть не захотел.
Мстить нет сил. Сломался меч. Дело кончилось вот чем:
Грязью я забрызган сам, мир очистить не сумел.

1913 г.

Перев. П. Радимова.

ШУРАЛЕ

I

Близ Казани есть деревня и зовут ее Курлай.
Это имя ты запомни и потом не забывай.
Сам я родом не оттуда, но совсем недавно жил.
Землю боронил да сеял, жал да снова боронил.
За деревней бор сосновый, смоляной, пускает дух,
Бархатистым одеялом зеленеет пестрый луг.
Велика ли, говоришь ты, та деревня? Нет, мала.
Речка вовсе незаметно меж лозинок залегла.
Нет там холода большого, солнце жаром там не жжет,

Ветер во-время подует, дождик во-время пойдет,
Полон лес прекрасных красных и малин и земляник,
Берестяное ведро наберешь в единый миг.
Там, как войско боевое, сосны с елками стоят,
Часто леживал под ними, устремив на небо взгляд.
Березняк зеленый полон щавеля, травы, грибов,
Там немало разноцветных распустилось цветов:
Белых, красных, розоватых, желтых, нежно-голубых,
Во все стороны струится запах сладостный от них.
А вверху кружатся роем белоснежным мотыльки,
То взлетая, то спускаясь на душистые цветки.
Божьи птички распевают и свистят себе: чу-чук.
В чаще дятел красногрудый долбит медленно: тук-тук.
Все здесь: цирк, бульвар, кофейня, танцевальный яркий зал
И с оркестром громогласным самый лучший шумный бал.
Бору темному, где только лишь звериный виден след,
Словно войску Чингиз-хана, ни конца, ни краю нет.
Ах, сравнение то приводит в память ряд других имен,
Мощь великих наших предков, славу древнюю племен!
Вот истории завеса распахнулась предо мной,
И вздохнешь с невольной грустью над судьбой страны родной...

II

Я писал о ясном лете, не сменяю свой напев,
Чтоб прославить чернобровых, алощеких милых дев.
О лужайках Сабантуев в той деревне мне не петь, —
Чтоб мечтой своей проворной далеко не улететь.
Заплутался я и сбился, точно путник в зимней мгле,
Ведь собирался рассказать я вам про случай с Шурале!
Не сердись за отступление, мой читатель дорогой.
Про любимую деревню только вспомню — сам не свой!

III

Как известно, бор дремучий для зверей зеленый дом,
Служит он медведю, волку и лисе родным жильем.
Есть тут заяц, кролик, белка, норка и рогатый лось.
С ними встретиться охотнику не раз уж привелось.
Лес такой густой, что слухи-страхи ходят на селе.
Говорят, в лесу есть джигиты, есть и страшный Шурале.
Очень может быть. Ведь это преогромный черный лес.
В нем, как в небе бесконечном, много всяческих чудес.

IV

А теперь в словах немногих я историю свою
Расскажу и в лад стихами по привычке подпою:
Раз в прекрасный лунный вечер из села один джигит¹
В бор поехал, чтобы за ночь дров побольше нарубить.
Там тотчас за дело взялся, топором себе стучит:
«Тук да тук». За щепкой щепка, отсканув, в траву летит.
Ночь на землю упадает и приносит холодок.
Птицы спят, букашки тоже, месяц ясен и высок.
Дровосек работой занят, топором себе стучит,
Ни направо, ни налево, никуда он не глядит.
Вдруг прервал свою работу, и топор застыл в руках.
Стоп! Какой-то хохот страшный прозвенел в его ушах.
Вздвинул наш джигит, и разом на него нашел столбняк,
Что-то страшное он видит, не поймет его никак.
Кто: грабитель, привиденье или страшный джигит лесной
Перед ним предстал внезапно в этот жуткий час ночной?
Нос, как удочка, погнутой, руки виснут до земли,
Ноги, как у дуба ветки, все узлами проросли.
И глаза из темных впадин, точно уголья блестя.
Днем и ночью очень страшен этот дикий, жуткий взгляд.
Телом сходен с человеком, очень голый и худой,
Рог на лбу, как средний палец на руке моей, длинной.
У него же пальцы больше, чем людские, и собой
Каждый ростом в поларшина, несуразный и прямой.
Насмотревшись на чудо, осмелел джигит, затем
К Шурале он обратился: «Нужен я тебе зачем?»
«О, джигит! Не сомневайся, не разбойник я, не тать,
У меня одна привычка: поиграть, пощекотать.
Я люблю, коль в одиночку попадаетесь ваш брат;
И теперь тебя увидеть, ты поверь мне, очень рад.
Для щекотки эти пальцы принаровлены как раз,
Для тебя настал смешливый, щекотливый смертный час.
Подойди, джигит, поближе, палец свой пошевели:
С Шурале ты поиграешь этой ночкой в «кити-кити»¹.
— Ладно, я не отпираюсь, с Шурале не к месту спор,
Если только согласишься мой исполнить уговор.
«Говори, о, человек, время нечего терять,

¹ Парень.

¹ Игра в щекотку.

Я согласен с уговором, лишь скорей бы поиграть».
 — Уговор таков мой, слушай хорошенько, Шурале:
 Видишь там бревно большое за кустами на земле.
 Шевелись-ка, брат, коль вправду согласился услужить,
 Надо мне бревно скорее на телегу положить.
 На конце бревна увидишь щель большую пред собой,
 За нее ты ухватишься и держись, баран лесной!
 Шурале совет исполнил, быстрым шагом поспешил,
 И бревно за щель рукою долговязой ухватил,
 Глубоко засунул пальцы в щель раскрытую бревна...
 Вот теперь тебе, читатель, шутка хитрая видна!
 Клин заткнутый выбивая незаметно топором,
 Песнь свою джигит заводит так себе и ни о чем.
 Шурале рукою не двинет, пальцем не пошевелит,
 И, беды своей не чуя, на топор и не глядит.
 Под ударами джигита клин выскакивает вон,
 Шурале теперь за пальцы очень крепко прищемлен.
 Поздно он почувал дело, дернул пальцы посильней,
 Забарахтался, на помощь громко кличет шуралей.
 Шурале теперь к джигиту обращается с мольбой,
 Стал смиренным, очень просит: «Человечек дорогой,
 Пожалей меня немного, отведи мою беду,
 Пальцем я за то не трону никого в твоём роду.
 И тебя не дам обидеть, друг любезный, никому,
 Всем скажу: я сам позволил по лесам гулять ему.
 Очень больно давит пальцы, отпусти меня, дружок.
 Что за польза, если будешь с Шурале ты так жесток!»
 Шурале, как дурень, пляшет, подымая визг и вой,
 А джигит, дрова наклавши, собирается домой.
 «О, джигит, в тебе ни капли сожаленья к Шурале,
 Напоследок хоть скажися, как зовут тебя в селе.
 И когда к утру на завтра не умру от боли я,
 Шуралам скажу, коль спросят: вот кто прищемил, друзья!»
 — Коли так, тогда скажуся, — прозываюсь я: Балтыр,¹
 А теперь меня попомни, щекотливый богатырь!
 Шурале догнать не может, зацепил его джигит.
 Отомстить джигиту хочет, громким голосом кричит:
 «Прищемил меня, обидел злой Балтыр, ко мне, друзья!
 Ах, от боли умираю. Очень давит щель моя!»
 А наутро собралися шуралы у бедняка,

¹ Прошлый год.

Порешили, что свихнулся он умом наверняка.
 «Не ори ты, старый дурень, — на него кричат все враз.
 Коль Балтыр тебя обидел, что ж беснуешься сейчас?»

V

Как-то ехал я зимою. Вдруг из вьюги — Шурале!
 Я смотрю и жду: что сделает со мной в полночной мгле?
 Длинным пальцем ткнулся в шапку и сронил на шапке снег.
 Видит: палец не просунешь через теплый пышный мех.
 После длинною рукою стал лицо мне щекотать.
 Где уж тут играть в щекотку, если плакать мне подстать!
 Вот теперь ногтями вздумал шею нежно поласкать.
 Я успел ее заране длинным шарфом обмотать.
 Спину у меня пощупал, я сажу себе в тепле:
 Ведь под шубу не проникнет длинный палец Шурале!
 После он за грудь принялся, долго щекота искал,
 Беспокоился не мало и ни с чем опять отстал.
 Как большой вилок капусты, в десяти одежках я,
 С этим сразу согласится лошадь бедная моя.
 От груди отнявши руки, Шурале за пояс хватить!
 Но и дьявол сам не смог бы кушака мне развязать.
 Вот к ногам он подобрался, в мягких валенках они;
 Ну-ка, в плотную подошву пальцем, Шурале, кольни!
 Как ты, Шурале, придирчив в чистом поле и в лесах,
 Что тебе бродить напрасно, лучше б думал о делах!
 Что мне ты! Мороз не страшен, хоть трескуч он и жесток;
 Лисья шуба прогоняет вон колючий холодок.
 И теперь сердчает холод, не добрался к телу он,
 Вот из места он бураном и метет со всех сторон.
 Только я промолвил слово, Шурале исчез вдали,
 Где-то за бугром смеется тонким звуком: чи-и-и!
 Вечно рыщет, смеха ищет, с ним не спорь в полночной мгле, —
 Он, ведь, баловень природы, шаловливый Шурале!

1907 г.

Перев. П. Радимова.

ОБМАНУТЫЙ

Все кончено...
В душе моей темно.
Нет больше радости на этом свете.
Тоска...
Могилою зияет ночь,
Минута тянется тысячелетьем...

Мне этот свет изменчивый не мил.
Лазоревые призрачны покровы.
Обманчивый мне опротивел мир,
В негодовании я хмрю брови...

Нет истин и не будет никогда,
Их не ищи напрасно с колыбели...
Все надуют...
Говоришь: вода,
Но шерсть течет на самом деле.

И солнца ослепительного нет!
Оно — обман...
Обрывок сновидений...
Взамен луны, созвездий и планет
Одни туманные кочуют тени.

Все призрачно...
Ни света нет, ни тьмы,
Вселенная вращается едва ли...
Неверно то, что существуем мы,
И наши предки не существовали.

Природы нет...
Ни ветра, ни травы...

И небеса — холодные полотна.
И то, что окружает нас, — увы! —
Беспочвенно, бескровно и бесплотнo.

Обманутый, я мучаюсь в пыли.
Я весь в огне, я весь в тисках печали...
Года счастливые прошли, прошли,
Ручьями розовыми прожурчали...

И дымные мучительные дни,
И дымные мучительные ночи —
Мне сердце сталью стиснули они,
И сердце ноет все жесточе.

Все люди смотрят на меня в упор
Уродливыми ржавыми глазами
И обжигают (до каких же пор?)
Словами гневными, как пламя.

Кого бы ни встречал я, — как змея,
Тот выпускал извилистое жало,
И ослабевшая душа моя
От бешеных укусов умирала...

Будь проклят мир, блуждающий в крови!
Страданием скованные руки!
Мечтаю я о пламени любви,
Но в сердце теплится свеча разлуки...

И кто мне скажет: долго ли на свете
Я буду мучиться, судьбу кляня?
Иль изменит направление ветер
И первой свежестью обдаст меня?

Не все мечты в широком их разливе
Посвящены мучительной судьбе.
Среди счастливых дум всего счастливей
Таинственная дума о «тебе»...

Ведь только ты мое немое горе
Рассеять можешь.
Так рассеяй его!
И солнце счастья в голубом просторе
Открой, как огненное торжество!

Лишь прикажи
(Я слова не нарушу!),
Я вознесусь в надзвездные края...
Владыка неба, давший миру душу,
Да здравствуешь и «ты» и «я»!..

1908 г.

Перев. О. Колычева.

Я УМИРАЮ

Когда я прохожу сады,
Когда леса пересекаю,
Когда румяные плоды
С зеленой ветви обрываю, —

Я поражаюсь каждый год
Твоим, вселенная, величьем...
Как медом, переполнен рот
Восторженным косноязычьем.

Пылали розы, ветер дул,
И воды стыли изумрудом,
Но странный заунывный гул
Меня преследовал повсюду...

И эти гордые леса,
Что в очертаньях прихотливы,
И рвущиеся в небеса,
Очаровательные ивы,

И этот мир зеленый весь,
И вся планета молодая
Поет одну и ту же песнь
Печальную:
«Я умираю»...

1909 г.

Перев. О. Колычева.

ПУСТЬ СМЕЮТСЯ!

За годом год уйдет в сырую муть...
Очистится и выравнится путь...

И только слезы, пролитые мной,
Останутся над суетой земной.

О, как мучительна моя слеза,
Жемчужиной ползущая с лица!

Узнают ли об этом или нет,
Иль только смех послышится в ответ?

И слез моих горячею струей
Начнут играть, как дождевой водой...

Пускай смеются! Я на всю страну
Слезам драгоценными хлестну.

Настанет день! Я выйду на межу
И этот мир проклятьем поражу!..

1909 г.

Перев. О. Колычева.

ЧЕЛОВЕК

Живу, и мучаюсь, и жду.
Кровь заеклась и горяча.
Давлюсь тоской, терплю нужду,
Слезам черными рыча.

Наследье прадедов, — оно
Текущий в жилах черный сок.
Темна душа, и все темно,
И сам я — прадедов кусок.

Проклятье голосам ребят.
Проклятье прадедам и мне.
Проклятье звездам и луне
За то, что в очи нам глядят.

Проклятье черной силе, брат, —
Не знаю, как назвать ее.
Пусть нас терзает воронье
И по кускам бросает в ад.

И бог мне враг, и совесть враг.
Я стать хочу, как все вокруг.

Во мне змея шипит во мрак.
И та змея — мой лучший друг.

Перев. П. Антокольского.

ДЕРЕВНЯ

Ай, деревня, ты краше
Всей красоты городской,
Когда тишь опояшет
Низкорослый покой.

Высоко и привольно
Отдыхаешь в траве.
Ночи — облако только
На сплошной синеве.

Твое небо сверкает,
Ай, светла бирюза.
А луна — вот такая,
Что зажмуришь глаза.

Ай, как брызжет по ряби,
Будто лодка плывет.
Ай, как лунно! И сердце
Мне сейчас разорвет.

Сколько сыплется в зори
Безучастно ко мне
Бриллиантовых зерен,
Самоцветных камней.

И леса, и долины,
И нагорья твои —
Ключ серебряный длинный,
Световые струи.

Только я здесь помеха
Для твоей красоты.
Видно, время уехать,
Чтоб не хмурилась ты.

Перев. П. Антокольского.

ПРАЗДНИК

Сегодня, люди говорят,
На рынке праздник знатный.
И полдень радостен стократ,
И полночь благодатна.

Как лица веселы у всех!
Друг к другу в гости ходят.
Там похвальба, там громкий смех,
Там игры хороводят.

Но то, что праздник для людей,
Всю правду мне открыло:
На лицах вижу я везде
Накрашенные рыла.

И в этом дне я, как в тюрьме,
Как в стену замурован.
Горю огнем в глубокой тьме,
Без воздуха и крова.

Язык мой злобен. Мысль горька.
И связка слов корява.
И ненавистью крепка
Бессильная отрав.

Нет, празднуют не для меня.
Мне нечем здесь вздохнуть.
Такая жалкая возня —
Не мне сужденный путь.

Но если ложь их поборов
И праздник их отвергнув,
Я опущусь в могильный ров, —
Вот праздник будет верный.

И преклонившись наконец,
Поздравлю всех спокойно.
И будет речь моя — венец
Слов считанных и стройных.

Перев. П. Антокольского.

ЗАРЯ

Татары спят, не знают про зарю,
А я внезапно сел в постели.
На эти сумерки смотрю,
И мысли полетели.

Лежу, ворочаюсь, и тут
Встать бы, — да нет, нельзя еще:
Нас руки прадедов гнетут
Дремотой ускользящей.

Корней подземных темный гнет.
А дерево цветет над спящими.
И мир покрыт листвою кипящей,
И ни один листок не шелохнет.

И бровью ни одной татарин
От ужаса не шевельнет.
Сон прадедов его состарил,
Из рода в род над ним цветет.

Долбят ли в уши ложь преданий,
Иль правду книжную долбят.
Отцы дают, что деды дали.
Так и идет для всех ребят.

И дети включены измлада
В тьму этой спячки родовой.
Грядущее татар — загадка...
И сам аллах качает головой.

Скажи, аллах, исчезнут ли татары,
Или когда-нибудь
Завещанный отцами старый
Изменится их путь?

Велик аллах из рода в род.
Весь мир им сотворен.
Познать его огромный гнет
Наш ум приговорен.

Спи, Абдулла! Ты ведь мусульманин.
Думать не о чем. Ложись и спи.

Спи спокойно. Поплывет вниманье
На лихой лошадке по степи.

Нет, спать нельзя. Нельзя лежать на месте.
Встает заря. И солнце горячо.
Я, может быть, сойду с ума от вестей,
Которая трясет мое плечо.

— Вставай, довольно горевать!
Нет на ногах твоих цепей,
Пришла твоя другая мать,
И с этой ешь и пей и пей.

Скорее встань и поклонись
Ты новой матери-дороге.
Будь человеком и трудись
И поскорей забудь о боге.

Перев. П. Антокольского.

Я

I

«Я» — сила тяжкая моя.
«Я» — радостные звоны...
Передо мной тускнеет все —
И боги и законы.

Свободным остаюсь один,
Земной и неизменный.
Дышу я гордостью своей
Один во всей вселенной.

Я замираю иногда,
Свой голос ненавижу,
Когда заманчивого «я»
Не слышу и не вижу...

Становится постылым труд,
Каким горел вначале,
И радуется мой народ,
А я один в печали.

Когда же снова, шевелясь,
Выходит «я» из мрака,

Я поднимаюсь высоко
В сверканьи, в звездных знаках.

Моря на свете — все мои,
Земля — в моем владении.
Мои — пески и горы, лес,
Птиц ласковое пенье.

И в этот незабвенный миг
Все счастливы и юны.
И запевают у людей
Горящей жизни струны...

А занавешенное «я»
Меня от всех скрывает,
И все одну и ту же песнь
Мой разум повторяет.

«Я» — сила тяжкая моя...
«Я» — радостные звоны...
Передо мной тускнеет все —
И боги и законы.

Перев. С. Олендера.

Т Ы

II

Сжигая запахом огня,
Водою синею маня,
Ты все же — в искрах и волнах —
Лишь бог, спасающий меня.

Перев. С. Олендера.

О Н А

III

Тугие брови — словно месяц чистый,
Словно полная луна — лицо.
Ресницы кверху загнуты, лучисты,
А каждый глаз — оверное кольцо.

В ней собраны все радости мирские,
Дает ей море от своих щедрот.

Дарит ей небо звезды голубые,
Огромное пред нею предстает.

Напоминают солнце эти щеки.
Как степь, привольный смех ее звенит.
И голос — соловьиный и глубокий...
Я в этот миг не чувствую земли...

Перев. С. Олендера.

Н О Й, М О Е С Е Р Д Ц Е

IV

Сердце мое, ной, замирай!
В ребра стучи смелей!
Время считай и колотись
В одурь глухих ночей.
Сердце мое! Эту любовь
Розой ты сделать должно!
Черные ночи в дни превратить
Только тебе дано.

Перев. С. Олендера.

О Д И Н Ч Е Л О В Е К

В мире один лишь человек
Сводит меня с ума.
Сердце струной, радугой жизнь
Делаешь ты сама.

Лучше улыбкой не дари —
Ясной улыбкой все сметено!
Это не ангелы там поют —
Сердце твоё поёт одно.

Ты огнем бездымным горишь
И сжигаешь меня.
Не знаю — вправду ли человек
Мечется там, маня?

Может быть, это — сила огня,
Вставшая предо мной.

Я умираю, живу, дышу
Только тобой одной.

Мысли мои — только тебе,
Радуюсь, я дарю.
Грусть, превращенную в слова,
Я для тебя творю.

Мира начало, мира конец
Все воплотила ты.
Я словно прощаюсь с самим собой.
Завидев твои черты...

От всех законов я далек,
Когда я с тобой, с тобой!
На блага земные я давно
Небрежно махнул рукой.

Перев. С. Олендера.

МОЯ НОЧЬ

Моя ночь темна, и заря далеко.
Потухший ад — одинокая ночь.
Мертвой грустью насыщена, мертвой печалью,
Безотрадной тоской мое сердце полно.

Бесконечная ночь — черна и угрюма,
Так что даже свеча моя меркнет дрожа.
Темным облаком скрытая жизнь уснула,
И как туча темнеет моя душа.

Я смотрю на небо, на темное небо —
Даже малых звезд в нем померкнул свет,
Даже ясный месяц как будто не был
На далеком небе уж много лет.

Золотую душу потеряли зори
И не вспыхнет взором блестящим даль...
Я изнемогаю от тоски и горя,
Я не в силах больше скрывать печаль.

Иступленно плачу и подобно тени
Возвращаюсь к людям в освещенный дом.
Каждое их слово — это оскорбленье,
Каждое движение ранит, как огонь.

Вот они подходят плотною стеною,
Мертвою печалью грудь моя полна.
Пусть они смеются, говорят со мною —
Я один... один... и ночь моя темна.

Перев. В. Ключевой.

МИРУ

О, если б сердце быть посмело
Стрелой иль острием копья
И раскаленное горело
В прозрачном холоде ручья.

Чтоб той стрелой я мог свободно
Разбить и сушь и холод вод,
Чтоб сгинул мир, как пес безродный
И мглой покрылся небосвод.

Но бедное, бессильное сердце.
Ему осталось лишь одно —
Открывши маленькую дверцу,
Смотреть на то, что суждено.

Его теснят своим объятьем
И лес и неба бирюза,
Горит безумьем и проклятьем
Моя последняя слеза.

Она блеснет на небе ясном,
Как взор из-под усталых век,
Она сверкнет звездой прекрасной
И будет так гореть вовек.

И близок час — взойдет победно
Над вечным горем и бедой
С челом задумчивым и бледным
Прозрачный месяц молодой.

И захлебнется мир слезами,
Которые так жадно пил,
Когда он проплывет над нами,
Прекраснейший из всех светил.

Его ничто не остановит,
Он миру злую весть несет:
«За пролитые капли крови,
За каждую — расплата ждет».

Перев. В. Клюевой.

М А Д Ж И Д Г А Ф У Р И

И Ш Ч И

ПОЭМА

I

В недавнем прошлом, в памятные дни
Был тихим мир, спокоен был народ...
Отсюда вдаль ты пристально взгляни:
Вон в той стране, где солнечный восход,

Жил человек, трудом благословен,
Старательный и сильный человек,
Он лето целое работал день и ночь,
Он за работой коротал свой век.

Но чуть повеет зимним серебром,
Его встречают новые дела.
Протяжной ночью и коротким днем
Его работа новая ждала.

Зима уходит вдаль, поражена,
Половья запираются в сарай,
Плывет по рекам новая весна,
В подпольи бродит новый урожай.

Он в поле раздобревшее идет,
Его заря встречает горячо,
А к вечеру пылающий закат
Склоняется на потное плечо.

Так он работал, так пахал один
Клочок земли — участок небольшой.
О грустной доле пели соловьи.
Как соловьи, он пел о доле той,

Не в силах побороть свою печаль,
Как птица, улетающая в даль.

Так весны долгие работал он,
Так землю он закармливал зерном,
Овес, гречиха и горох и лен
Воспитывались каторжным трудом.

Когда он травы сорные полол,
Он был почти-что весел до зари.
На дело всякое он без раздумья шел,
Старания свои учетверив.

Он шел и шел налюбоваться властью
На юный хлеб — на жизнь свою и страсть.

И не напрасно он трудился дни —
Земля всю мощь несла из глубины,
В его глазах бушует урожай
Колосьями большой величины.

Горох, как кончик пальчика, взомел,
Сверхсказочны жемчужины пшени,
Взошедший лен волнуется, как шелк,
И рожь стоит сплошная, как стена.

И ветер полногрудый и густой
Дыханье над пшеницею пронес
Туда, где поднял голову свою
Готовый выскочить из колоса овес.

И человек от радости не знал,
Что делать и кого благодарить.
Он богу словесловья посылал
За то, что он не даром столько ждал,
За то, что стоило трудиться, ждать и жить.

II

И земледелец бесконечно рад
Прекрасной, теплой влаге дождевой,
И только туча в небе проплывет,
Уж он дрожит, от страха чуть живой.

Но бог хранит еще его посев.
Он поднимается все выше день за днем,

И не жалеет солнышко лучей,
И колос наливается зерном.

И ждут посевы трудовой руки.
Приходит время поле убирать,
Колосья веять, жать и молотить
И по амбарам зерна рассыпать.

И земледелец ночи напролет
Спешит скорее с поля все убрать.
Земля волнуется, и дело ждет,
И некогда затылок почесать.

Работает до пота, до жары,
До немоты в суставах и костях.
Он рад, он наслаждается, он горд —
Его зерно лежит в его руках.

Проходят месяцы, нагружены трудом.
Мешки наполнены. О чем ему скорбеть?
И разноцветное зерно плывет,
И наполняется за клетью клеть.

И в голове рождаются мечты:
— За жизнь мою, за каторжный мой труд,
Будь каждый год подобный урожай,
Я б зажил так, как богачи живут.

Я ездил бы (а не ходил пешком)
На замечательнейшей лошади верхом,
Как богачи, я б наслажденья знал,
Я б отдыхал, я б много ел и спал.

Я знал бы сон и отдых и еду,
Мне б жизнь была покорной, как жена...
Мне надо будет в будущем году
Посеять большее количество зерна.

Так земледелец целый день мечтал,
Так утешался в сказочных мечтах.
Мечты росли, а он в лохмотьях спал,
А лапти расплзались на ногах.

Проходит осень. Настает зима...
Однажды вечером в амбар он входит свой,

И на пороге столбенеет он,
И поникает книзу головой.

Что это свершилось наяву?
Сон ли вдруг находит на него,
Духи ли нечистые пришли?
Власть ли получило колдовство?

Кто это весь хлеб унес?
Дьявол бы так ловко не сумел...
На хозяина пустой амбар,
Словно кость пустая, посмотрел.

Он рукой провел по волосам,
Он рукой потрогал по ногам,
Он в пространстве задает вопрос:
Кто это весь хлеб унес?

Все молчит. Ответа нет и нет.
И безмолвствует огромный свет.
Будущее, как сплошной удар.
И стоит за ним пустой амбар.

Он пошел по своему пути...
Жизнь одну, как сто смертей, нести
Он пошел по своему пути.

Он пошел и в дождь и в снег опять,
Он работал, сеял и пахал,
Но в труде не уставал мечтать,
Но надежд своих не потерял.

Он работал и в своем труде
Утешение нашел в беде.

III

Весной он снова сеет семена
И в поле возится все лето напролет.
Ему приятен полевой ночлег,
Земля под ним лежит покорена,
И скоро хлеб в амбары потечет.

Но день пришел, и снова хлеб исчез,
И снова жизнь встает пред ним страшна...

Кого винить и где искать причин?
В пустом амбаре мрак и тишина.

И он другой работой занялся,
Чтоб с голоду не умереть зимой...
Куда ушло его богатство — хлеб?
Каким путем, дорогою какой?

Все молчит. Ответа нет и нет.
И безмолвствует огромный свет.

Поглотила ли его земля,
Или дух, украв его, пропал,
Или сам он, воодушевлен,
На волшебных ножках убежал?

Иль обманом взят последний хлеб,
Иль обмнен он на пустяки,
Или сильной бурей зимой
Выметены все его мешки?

Иль в избе бедняги-мужика
Поселился жадный домовый,
Иль какой-нибудь другой лукавый чорт
Хлеб унес тихонько за спиной?

Куда ж пропал его тяжелый хлеб?
Никто, никто ответа не дает...
Ты круглый год трудишься день и ночь,
Но где ж богатство, труженик, твое?..

А твой сосед, что рядышком живет,
Торгует, покупает, продает,
А твой сосед, что рядышком живет,
Он припеваючи проводит круглый год.

Его коляску два коня везут,
Откормлены на избранном овсе,
Он встречных обгоняет на пути,
Ему с почетом кланяются все.

И дом его картиною стоит,
Окрашен в разноцветные тона,
И за забором
Райский сад цветет,
И роскошью душа поражена.

И в том саду чудесные цветы
Благоухают каждою весной...
Хоть сам хозяин поле не пахал, —
В амбарах хлеб высокою горой.

Он пиво до обеда пьет
И после может выпить, сколько хошь,
И в лавках у него лежит товар —
Чего захочешь, все ты там найдешь.

Рассортированный лежит товар —
Мануфактура, сладости и чай...
Всех прелестей, всего его добра
Не перечтешь ты, сколько ни считай.

Короче — он не делал ничего.
Деревней правил он, как маленький царек.
Откуда же богатство у него,
Не бог ли сам ему в делах помог?

И где он столько счастья мог достать —
Наш земледелец все не мог понять.

Все думают, что с адом он в ладу,
Что дух нечистый принят на дому,
Что этот дух в определенный срок
Приносит золото и серебро ему.

И только дьяволу благодаря,
Торговец стал богаче всех людей,
Хотя еще в недавние года
Он не имел порядочных саней.

А некоторым кажется, что он
Случайно денег множество нашел,
Находка двинула его дела вперед,
И с той поры он в богачи пошел.

Еще такая носится молва,
Что будто на дороге столбовой
Он, богача убив, разбогател,
И с той поры безвыходно сидел
И торговал и пиво пил рекой.

И с той поры он крепок и силен.
К нему плывет товар со всех сторон...

Пусть он богат! Но как и почему,
Нам дела нет, нам сплетни ни к чему.

Нам дело будет ясно впереди,
Нам труженик роднее и милей.
Он все раздумывает, круглый год трудясь,
О горькой участи, о бедности своей.

Он в пространство задает вопрос:
— Кто это весь хлеб унес?
Думает, гадает, ворожит,
Где теперь его зерно лежит?

«Бог отнял, — решил он, — проживем!»
Он и думать перестал о том.

IV

И так наш труженик работал много лет,
Он дни и ночи в поле растерял,
Но сколько ни копался он в земле,
Он счастья своего не откопал.

Он сеет, жнет, трудится на земле.
Но все в амбаре пропадает хлеб.

Зима уйдет,
Чтоб дать весне созреть,
Уж недруг злой опустошает клеть.

Причины все не может он понять,
Додуматься никак не может он...
Меж тем сосед его богаче с каждым днем,
Живот его, как бочка, округлен.

И вот однажды труженик решил,
Никак не доискавшись до причин,
Что незачем работать день и ночь,
Что все равно в конце исход один, —

На все прошедшее махнуть рукой,
Родное поле бросить навсегда,
Продать его, чтобы в стране чужой
Пробиться в русло нового труда.

Он решил дорогу повернуть...
Землю у него купил сосед.

Он недолго собирался в путь,
Он послал родной земле привет.

И когда деревню покидал,
И когда он вышел на поля,
На невспаханный участок свой
Бросил он последний взгляд.

И казалось, что земля сквозь тьму
Будто кланяется ему:
— Ты куда, хозяин, держишь путь?
Кажется, кустарники за ним

Поплелись вразвалку, как-нибудь,
И певуны-пташки там и тут
О разлуке
Жалобно поют.

Провожает маленький ручей
Множеством напутственных речей.
От тоски мучительно рыча,
Он упал на берегу ручья.

Он упал в тоске на берегу,
Он припал к холодному песку
И запел,

Чтоб в песенке своей
Вековую передать тоску:

— На земле цветочек бело-голубой
Смотрит прямо в небо, но скреплен с землей...
Как далеко буду, даже знать боюсь,
Не сегодня-завтра все-таки вернусь.

Протекает речка узкою струей,
Потому-то речку не зовут рекой.
Между нами, люди, разница слаба,
Только счастье разное, разная судьба...

Там труженик поет на берегу,
Горячих слез и скорби не тая,
И сквозь кусты доносится к нему
Сочувствующий голос соловья.

Совсем тихонько песенку начав,
Все громче распекает соловей,

О поле он поет и о труде,
Он вновь зовет
К надеждам прошлых дней.

И песня проникает горячо:
— Не уходи!
Повремени еще!
И, голос поднимая, он поет:
— Терпи, дружок, твой день еще придет!

Так песнею протяжной меж ветвей
Прощался с земледельцем соловей.

Казалось, он поет:
— Приходит срок.
Пора итти!
Прощай, прощай, дружок!

И он поет
Сильней во много крат,
И в горлышке
Горошины звучат...

Пора итти,
Но ноги не идут,
Но труд, но молодость
Его назад зовут.

И все сильнее звонкий соловей
Поет, поет, поет во тьме ночной,
И труженик по горло поглощен
Тоскливым пением и поля красотой.

Но вот он силы
Наконец собрал,
Осматриваясь,
Тихо зашагал.

Хотя душа ему кричала: стой!
Его вперед звала ночная мгла,
Как на цепи, он двинулся вперед,
И родина ушла
От воспаленных глаз.

V

Большие коридоры под землей
Идут, переплетаясь меж собой,
И дерево поддерживает свод...
Сквозь полумрак
Ты не найдешь проход.

И мокр и темен человек ползет,
Он сам во мраке, как сгущенный мрак,
И если нет у него свечи,
Он не сумеет двинуться на шаг.

Надземное осталось далеко,
И солнца нет и никаких окон.
Здесь дня от ночи ты не отличишь,
Тьма-тьмущая царит здесь испокон.

И только изредка, смущенно трепеща,
Мелькнет за поворотами свеча.

Здесь горе ждет, здесь властвует тоска,
Здесь смерть царит, как вечность, широка.
Здесь человек забыл свои черты.
Медведи, или люди?
Иль кроты?

Многие лежат здесь на спине,
Кирками ударяя средь камней,
И каждый здесь с молитвою живет
На случай, если камень упадет.

Многие ползком
Вперед ползут,
Многие киркой
О камни бьют.

Не в силах многие
Рукой пошевелить,
Иные пьют,
Чтоб горло промочить.

Им надо камнем
Ведро наполнять,
Чтоб, как могилу,
Землю раскопать.

Работая в объездах
Темноты,
Здесь человек
Забыл свои черты.

Запали вглубь
Усталые глаза,
Ты, как мертвец,
Но так жива слеза.

Коромыслом
Конечности висят,
Как будто выпил ты
Смертельный яд.

Ты в мрак пришел,
Забудь, забудь про свет!
Ты здесь умрешь.
Уйти надежды нет!

И жизнь и смерть
Слилися с давних пор;
Здесь ангел смерти
Крылья распростер.

И многих нет. На трупы их легли
Песок. И камень. И пласты земли.

Или задохнувшись под землей,
Истожив все силушки свои,
Умерли.
Но многие еще
Под землей ползут, как муравьи.

VI

Вот здесь в углу, за каменной скалой,
Наш труженик трудится и живет,
Он в подземельи мрачном погребен,
Почти забыв, что значит — небосвод.

Над ним навис
Тяжелый, мрачный свод.
Не у ручья
Он песенку поет:

— Протекает речка узкою струей,
Потому-то речку не зовут рекой...
Между нами, люди, разница слаба,
Только счастье разное, разная судьба...

Он тихо пел,
Но песня в тот же миг
От эха грянула,
Как Азраила крик:

— Мы на земле и под землей
Трудимся много лет,
Мы день и ночь стучим киркой,
Но счастья нет, как нет!

И вот в мираже перед ним стоят
Поля прекрасные и колосом шумят,
И улыбаются, и шлют ему привет
Красотки-девушки, подруги юных лет.

Совсем прозрачное, неясное, как дым,
Любимой девушки лицо встает пред ним.

И громко умоляют соловьи:
— Ты из родной семьи не уходи!
Деревья шевелятся и гремят:
— Пока не поздно, возвратись назад!
Дитя лепечет, платье теребя:
— Ты слышишь, папа, я зову тебя!
— Я жду тебя! Я долго буду ждать!
Зовет обратно умершая мать.

Он вспоминает все это во тьме,
Киркою взмахивая, лежа на спине,
И он забыл, какого цвета все...
Он уголь добывает в глубине.

К чему их труд
И что им делать тут?
Кому-то золото
Из ада достают!

И как хлеб,
Пропавший у него,

Исчезает
Золото его.

Где оно?
Он не поймет никак...
И безмолвствует.
Огромный мрак.

Вспыхнет золото во тьме и вдруг
Исчезнет, словно пар, из рук,
Промелькнет, как рыба, вдалеке,
Как вода на солнечном песке.

Он еще ни разу не встречал
Птицу счастья на своем пути,
Он всю жизнь истратил на нее,
Но никак не мог ее найти.

Так он долго, долго под землей
Дорогое время проводил,
Но напрасно выждав долгий срок,
Рассердившись, под конец решил:

— Что это опять за колдовство?
Вижу золото — и нет его!
Для чего ж трудиться
Под землей?!

И ушел,
На все махнув рукой...

VII

Что это там гудит на утренней заре?
Иль дьявол, на заре разбуженный, ревет?
То к смене утренней завод зовет к себе,
То для труда гудок работников зовет.

Для мирных граждан
Сон, безделье и уют,
Когда сквозь темноту
Рабочие бредут.

Они чуть свет
Покинули кровать,

Они спешат,
Нельзя им опоздать.

Как сказочная змея, что тысячу лет живет,
Притягивает, колдуя, пожирает людей завод.

Идущим к нему бесполезны
Мольба, и стенанья, и крик,
Голос его — железный,
Безобразен огромный лик.

Многопудовою сажеею покрыт.
Огонь и дым столбом стоят внутри.
Неумолкающий язык машин
С вечерних сумерок до утренней зари.

Здесь твердое железо, как вода,
И на огне здесь жарче, чем в аду,
И сталь тяжелая в тончайшие листы
Здесь превращается на пламенном ходу.

Железные пылинки там и тут,
Как бы на мельнице пылинки от муки,
И от железа искры там снуют,
Как поднятые бурей пески.

Здесь адский холод царствует извне
И адский жар на внутреннем огне,
Машины здесь вращаются, сильны,
Могучей и сильнее сатаны.

Чугун несется, как вода, но тронь, —
Он обожжет сильнее, чем огонь,
И стукотня, и шум, и визг, и гуд
Напоминают людям страшный суд.

Так же, как зубании¹ в аду,
Люди здесь работой заняты,
Так же, как зубании в аду,
Потеряли все свои черты.

Тук-тук-тук!.. Железо бьет и бьет...
Всех огонь, как щепки, облизал.

¹ Легендарные существа в аду, приставленные для мученья грешников.

Лишь виднеются сквозь сажу на лице
Зубы белые, блестящие глаза.

Словно лист железный,
Грудь тверда;
Пыль и пот
Смешались навсегда.

Выбившись из сил, глаза раскрыв,
Ждут они... Не скоро перерыв.

Многие в спираль
Железо гнут,
Многие чугун
По формам льют.

Сталь. Огонь.
Чугунные листы.
Люди общим делом
Заняты.

Искры
Во все стороны летят,
Люди вдруг
Попытятся назад.

Так работают,
И отдыха все нет
Сколько дней уже
И сколько лет!

Беспросветно,
В саже и в пыли
Здесь года тяжелые
Легли.

Как в могилу,
Годы улеглись,
И сердца, как уголь,
Обожглись.

Не один здесь,
Умирая, лег.
Много их...
Ты знаешь сколько, бог!...

VIII

Вернемся к труженику нашему опять.
Что он поделявает, наш герой,
Что все года, что весь свой трудный век
Работал на земле и под землей?

Гоняясь за счастьем,
Встречая беду,
Сюда он явился
В прошлом году.

С тех пор он сгорает
На этом огне,
И нет ему счастья
Наяву и во сне.

Несчастья и беды
Над ним пронеслись,
Он чуть наклонился,
Как вянувший лист.

В погоне за счастьем
Он все еще юн...
В глазах запылали
Огонь и чугун.

И руки поднимают
Огромнейший молот.
В бессонные ночи
Он все еще молод.

Как дуб молодой, сильна и стройна,
Еще не согнулась в работе спина.

И в этом, и в прошлом,
И в каждом году
Работой привык он платить за еду.
Но что за проклятье! Добытое им,
Как прежде, из рук ускользает, как дым.

Что ты заработал, на эти гроши
Питайся, дружище, живи и дыши!..

Он смотрит, смутясь,
На пустую ладонь...

Чугун не ответит,
Безмолвен огонь.

Чтобы узнать,
Чтоб наконец решить,
Решил он

День работы пропустить.
— Куда же золото девалось
До сих пор?
Где вещи все его?

И кто их вор?
К чему же труд,
К чему озноб и пот,
Когда другой
Твоим трудом живет?..

Уж выпала
Такая доля мне!..
Сказал —
И успокоился во сне.

IX

Года идут вперед,
За годом год...
На ткацкой фабрике
Наш труженик живет.

Продули ветры,
Протекла вода,
От силы не осталось
И следа.

Потух огонь,
Глаза погасли тоже,
В морщинах вся
К костям прилипла кожа.

Спина согнулась,
Локти искривились,
И скулы явственней,
И щеки провалились.

И седина усталости везде—
На голове, ресницах, бороде.
На божий мир усталый человек
Еще глядит из-под опухших век.

Работа ждет,
Но нет огня в груди;
Уж светоч счастья
Меркнет впереди.

И безнадежнее работа
И трудней...
Уже давно не ждет он
Лучших дней.

И знает он:
Отчаянье и труд
Уж радости
Ему не принесут.

Как бы напильником
Распилена душа,
И дни проходят,
Медленно дыша.

Глухое одиночество, беда...
Зачем работать он пришел сюда?

Куда труды его девались
До сих пор?
Где вещи все его?
И кто их вор?

Ушли давно,
Давно пропал их след —
С полсотни лет,
С полсотни трудных лет.

И мозг его воспоминанья жгут:
Посеянные в юности хлеба,
И копны хлеба, и мешки зерна,
И пахота, и знойная косьба.

И золото,
Добытое не раз,

Воспоминаньем
Обжигает глаз.

Он перстни золотые бы носил,
Будь он хозяином своих вещей,
Очки, блестящие в оправе золотой...
Он был бы счастлив в старости своей.

В его избе стояла бы гора
Изделий всяких,
Всякого добра.

Узоры шелка,
Вытканые им,
Чудесной сказкою
Проходят перед ним.

И вновь вопрос
Он задает в упор:
— Где вещи все мои?
И кто их вор?

С полей богатых
Нищим я ушел,
Одежду делал я,
Но, как иголка, гол.

Я обрабатывал, я раскалял металл,
Но даже ножика себе я не достал.

В погоне золотой
Я обыскал весь мир.
Но где оно?
Кто высосал мой жир?

Мой труд идет за вереницей лет,
Мой труд велик, но радости в нем нет.

Зачем я труд
Сквозь жизнь свою пронес?..
Ответа нет.
Неразрешим вопрос.

X

Так дни проходят...
Пыль рябит в глазах,

И нету прежней ловкости
В руках.

И старость тяжестью
Прикована к ногам,
И прежней легкостью
Не овладеть костям.

Теснит в груди,
Тоска сильнее жжет,
И, как могила,
Мир пред ним встает.

Он силится
С работой совладать,
Но силы нет,
И надо отступать.

Тяжелый звон
В ушах его гудит,
И мастер смотрит на него
Сердит.

В глазах рябит,
Кружится голова...
И мастер говорит
Обидные слова:

— Живей, живей! Тебя работа ждет!
Чего же ты стоишь, разиня рот?
Ты получил со всеми наравне.
Живей! Бездельников не нужно мне!

Беспомощно бормочет он
В ответ.
К нему сочувствия
И сострадания нет.

Однажды мастер
Так ему сказал:
— Довольно, старина,
Уж ты устал.

Тебе пора
Свой труд переменить,

А нам за старость
Нечего платить!

Хозяин передал
За все труды твои
Спасибо!
И — счастливого пути!

Так он сказал ему небрежно и легко,
Но в сторону уставивши глаза...
И труженик, от гнева закипев,
«Животное!» — в ответ ему сказал.

И задрожал, и наклонился вкось,
И круче стал наклон усталых плеч,
Горячей кровью налились глаза,
И начал он такую речь:

— Значит,
Уже не нужен я?
Значит,
Растоптана жизнь моя?

Я нужен, когда
Сильна моя грудь,
А сил не осталось —
Счастливый путь!

Наш жир сосете
Вы многие дни,
А кости остались!
К чему они?

Проходят годы,
Проходит час —
Уж не нужны мы,
На свалку нас!

Теперь я почувствовал
Так остро,
Куда пропадало
Мое добро!

И мастер сказал, сердито грозя:
— Болтливым старцам здесь места нет!
Ему проклятье неслось в ответ...

XI

Кипучего города
Водоворот...
По улицам труженик
Бледен бредет.

Тяжелый мешок
Он несет за плечами,
Он встречных людей
Провожает глазами.

Он смотрит за окна
В большие дома —
Богатства и роскоши
Тьмущая тьма.

Долго он смотрит так, поражен,
На рай, надвигающийся из окон.

А мимо — движенье,
Летят лихачи,
В роскошных колясках
Сидят богачи.

С райских красавиц
Не сводит он глаз —
Закутаны в шелк
И одеты в атлас.

И камни на них дорогие цветут,
Дороже, чем вся его жизнь и труд.

И запах и тело их,
Как цветы,
Он в жизни не видел
Такой красоты.

И каждая кажется в полумгле
Надушенным идолом на земле.
Вот для кого он работал и чах!
И снова проклятье цветет на устах.

Товар за витринами
Дорогими...

Вот он это сделал
Руками своими!

И шахта и поле
Вспомнились вдруг...
Все это дело
Наших рук!

И вся эта роскошь,
И все добро,
И мимо снующий
Пустой народ,

И окна, глядящие
В пустоту,
Стали противными
Невозмогу.

Все стало противно
Его глазам,
Его потянуло
К родным полям.

Туда, где он в юности
Счастья искал,
Туда, где ребенком
Он подрастал,

Где птицы-соловушки
Песней веселой
Встречали его
На работе тяжелой,

Где ярко пылают
Заря и закат,
Где сном непробудным
Родители спят.

Он за город вышел и в тишину
Промолвил: «И я с ними вместе засну!»

И тихо рассеялась
Его печаль,
И легче дыхание,
И жизни не жаль.

И катятся слезы
Одна за другой,
И ветер играет
Седой бородой...

Лишь вышел он в поле,
И в сердце его
Вселилось огромное
Торжество.

Помолодевший, с мешком на плече,
Вступил он в просторы и скоро исчез...

Перев. М. Светлова.

Д А Р Д Е М Е Н Д

КОРАБЛЬ

Дышат моря,
Дуют ветра,
И надуваются паруса.
Синью горя,
Ночью, с утра,
В путь отправляются, голося.
Пеной одет,
Стонет корабль,
И цепенеет каждая снасть.
Берега нет.
Правь иль не правь —
Тянут... и душу хотят украсть...

Перев. С. Олендера.

МЫ

Века идут. Года перелетают.
Давно в земле пророки и цари.
Как годы, караваны выступают,
И каждый знает поздний час зари...
Огни не зажигаются в дворцах,
И под землей лежит холодный прах.
Пески смещаются. Жилье меняют птицы.
И ты, о сердце, перестанешь биться...

А путник, в мир вступающий ногой, —
Ему открылась истина простая:
С косматым временем, под ветра вой
Блуждать, огни глотая и сгорая...

Перев. С. Олендера.

ВЕЩЕННАЯ ПЕСНЯ

Легко уселся я на грудь горы.
Пока пишу я, не мешай мне, ветер!
Ручей замри, дыши лишь про себя.
О, дней моих разбросанные ветви!

Ручей течет, журча и горячась...
Кто мне напомнит нежные мгновенья?
Он, как песчинки, годы уносил.
Ручей течет. А я — один в томленье.

Я на груди большой горы творю.
Не прикасайся, ветер, повторяю!
Помедли, роза, молчалива будь,
Печальных лепестков не простирая.

Кому цветы прикалывал я здесь?
Чья грудь была овита лепестками?
Я здесь стоял и милой речи ждал,
Следя за беспокойными глазами!..

Что говорили темные глаза,
Подернутые пленкой голубою?
К кому летел, пылая, голос мой,
К кому я тихо приникал рукою?

Легко уселся я на грудь горы.
О, тяжкий ветер, погоди немного!
Ты, птица бедная, на ветку пересядь
Другую — не буди моей тревоги...

Ты помнишь, птица, прошлую весной,
Под деревом, где песнь твоя сияла,

И знаешь ты, кого моя рука
Так горячо и нежно обнимала!

Ты, птица милая, внимательно ждала,
Чтоб с песней принести нам поздравленье.
Деревья все испробовала ты,
И с каждой ветки доносилось пенье.

Да, песенкою легкою своей
Ты мне большую тайну объяснила.
Ты нежность закипевшую мою,
Как песню, к острым звездам относила.

И на живой поверхности луны
Прислушивался кто-то, умилялся.
Ему запала в душу тишина,
Когда твой сон предутренний кончался.

Я на груди большой горы творю,
И грудь горы знакома с этой тайной.
Течет ручей, журча и горячась.
Далеких роз невнятно колыханье.

Теперь вы, птицы, слушайте меня!
Вас опечалит песенка простая.
Потом и вы споете для меня,
И стану я рыдать, припоминая...

Перев. С. Олендера.

РАДИ КОГО

Украсил грудь лучами
И смущенно повторял:
— Извини меня, о, месяц,
Я лучи твои украл.

— Друг мой! Сделай одолженье.
Я дарю тебе лучи.
Ведь и я краду у солнца,
Чтобы ярче жить в ночи!

Перев. С. Олендера.

ЗОРА ЮЛДУЗ

(Звезда Венера)

I

Когда вверху, собравши силы, ночь
Безумно борется на заре
На юге в небе мглистость превозмочь,
Звезда Юлдуз встает в серебре.

Других светил не ведает она,
Горя одна, от них в стороне,
И гордости непознанной полна,
Хранит вопрос в своей тишине.

Когда глядишь, — колдует сердце всем,
Кладет в него огонь от лучей.
Тоскует тот, в земной юдоли нем,
Стремясь душой туда поскорей.

Горда она.... Сказать ли вам теперь,
Кем здесь была она на земле?
Земная дочь она — верь или не верь —
Росла у нас тому много лет.

Сказали вы: «Зачем ты лжешь, поэт?
Как дочь земли могла улететь
И там вверху сиять в кругу планет?»
Об этом я хочу вам пропеть.

II

Давно когда-то, много лет назад,
Когда в степи народ еще жил

И спал, вдыхая тонкий аромат,
Среди лугов, под взором светил;

Когда, слагая песни на лугу,
Среди цветов, в объятьях земли,
Он не видал, замкнувшись в кругу,
Как дни и годы медленно шли, —

Скучала в небе ангелов чета,
Стремясь к земле от райских чудес.
И вот задумали они лететь
Туда. Им жизнь прискучила здесь.

Озера райские таинственной красоты,
Деревья и плоды на ветвях,
Цветы, сплетенные сиянием росы,
Напитки вкусные на столах,

И даже гурии прелестные черты —
Все стало слишком скучным для них:
Среди пиров в чертогах красоты
Им захотелось жизни живых.

III

Проходят годы, месяцы и дни,
Но ангелам покоя все нет;
Объятые тоской живут они,
Горя душой, стремясь видеть свет.

Вот после долгой думы наконец
Они простились с жизнью своей,
И путь открыл им ласковый творец
С небес на землю, в роскошь полей.

Летают долго ангелы над ней,
Не зная, где спуститься к земле,
И вот несутся ласточек быстрей
На юг, что кроется в мутной мгле.

IV

Когда они несутся над землей,
Доносит ветер чудный напев;

Звучит он полон страстной красотой,
Великой тайной всей овладев.

Не песни рая это, — нет, совсем!
Биенье сердца в них говорит,
Звучит напев во всей его красе,
И душу, как огонь, золотит.

Внимают ангелы, поражены
Напевом чудным. Стали они.
А пенье выше всходит, до луны,
С далекой непонятной земли.

И ангелы заслушались его,
Влечет напев могуче к себе,
И вот, раскинув белое крыло,
Они спустились, верны судьбе.

V

Кочуя в поле раз, орда татар
Раскинула шатры на траве,
Поляна ожила под складками шатра,
Как стая лебедей в синеве.

Борьба идет, стрельба из лука в цель,
Там скачут на конях, там бегут...
Смех, игры, пенья сладкая свирель,
Поляна дышит счастьем минут.

VI

Даря цветам последние лучи,
Спустилось тихо солнце к земле,
И вот поляна вся теперь молчит,
И не узнать ее в полумгле.

Кругом все тихо. Смолкнул шум дневной.
Не слышно плясок и беготни,
Народ на отдыхе увлекся стариной,
Припоминая прошлые дни.

И девы луннощекие поют
Про витязей своих сильных орд,

И льется нежно в тишине минут
Напев о них, печален и горд.

На пенье райское он не похож —
Звучит в нем страсть земная с тоской.
В нем голос сердца святостью хорош
И жизни полон весь огневой.

Для чистых душ, чувствительных сердец
В нем пищу даст огонь золотой.
В ту ночь — судил так праведный творец —
Летели ангелы над землей.

VII

В то время правил на земле каган —
У нас поют о нем до сих пор, —
Он подчинял безжалостно врага,
Сбирая дань с чужих ему орд.

Платили дань и Запад и Восток,
Арабы, персы, много иных...
Была у хана дочка, как цветок,
Горда, нравна в капризах своих.

Когда откроет нежное лицо,
Робеет месяц, звезды при ней;
Взмахнет ресницами, блеснув лицом,
Заставит сердце биться сильнее.

Жестокие сердца богатырей
Побеждены такой красотой.
И клонят, молча, луки перед ней
Джигиты-щеголи вперебой.

Но не склоняет голову она.
Никто не нужен, капризной, ей,
И никому земному не равна,
Она тоскует здесь средь полей.

Сомнения закрыли небо ей,
Ее невинности чистый цвет.
Ночами долгими среди полей
Молчанье ночи шлет ей привет.

То радостью, то грустью объята,
Любуется она тишиной.
Лежит равнина дальняя мертва,
Лишь изредка шелестя травой.

Стрекозы в даях где-то верещат.
Вот что-то слышится... Чей-то плач?
Вещуны зла, так совы лишь кричат,
Не человек в тоске неудач.

И снова тихо. Все мертво молчит,
Лишь изредка воздушной струей
Легчайший ветер травы шевелит,
А там — опять глубокий покой.

VIII

И ангелы к влюбленным пристают
Здесь, на земле, от неба вдали;
Они в сетях любовных сладких пут
Прекрасной дочки нашей земли.

Совсем забывши рай и гурий всех
И ставши на колени пред ней,
Ее руки хотят просить для тех,
Кому она блаженства милей.

IX

Но даже их не признает она
И не находит равными ей,
Окидывает взором из огня
И говорит, вздохнувши сильней:

— Устала я от поклонений мне
И убежать не знаю куда.
Все сердце выкипает в тишине,
И улететь нельзя никуда.

И вот, подумав, говорит опять:
— Скажите, ангелы, мне хоть вы,
Как можете вы в небо взлететь
И там к кому приходите вы?

Так говоря, сдвигает брови враз,
Ресницы подняв, счастье сулит.
Влюбленные свести не могут глаз,
И путь на небо гордой открыт.

И вот она взлетает в небеса
И зажигает ярко звезду.
Смотри, как всех слепит ее краса, —
Ведь это она, Зора Юлдуз!

1916 г.

Перев. В. Клюевой.

КОРКУД

(Легенда)

I

Вот времени седого правда и быль:
У гор Алтая, где колышет ковыль,
Жил некий человек, прозваньем Коркуд,
Тут прожил целый век, состарился тут.
Не строит юрт Коркуд в зеленых степях,
Пристанищ легких он не ищет в краях.
Нет у него забот, нужды нет ни в чем,
Знакомств не заводя, не стал он купцом.
Не любит золота, камней дорогих, —
Одно ничтожество — сиянье у них!
Коркуду дорога лишь домра одна.
Богатство все и жизнь Коркуду она.
Как любо по степям широким итти
И струнами звенеть на домре в пути!
Тогда на ум приходят тысячи дум
И позабыт навеки суетной шум.
А дом ему зачем? Поляна ужель
Из бархатной травы не та же постель?
Коркуда защитит от ветра гора,
Тут отдыхает он и спит до утра.
Так нет ему нужды в богатстве, в деньгах,
Прекрасный создал сад Коркуду аллах.
Плоды румяные на ветках растут,
Плодами спелыми всегда сыт Коркуд.

II

Вот с неба ангелам веленье пришло,
Исполнилось дней Коркуда число,
Незамедлительным путем пусть идут,
Коркуда отыскав, пусть душу возьмут.
О повеленьи том Коркуд тут узнал,
На запад, как олень, Коркуд побежал.
Бежит он ночи, дни, вперед и вперед,
Что в отдыхе ему, коль смерть стережет?
Таким путем попал в чужую страну,
Но только что зашел он в местность одну,
Могилу рытую увидел Коркуд,
Пред ней могильщики покойника ждут.
Тогда спросил Коркуд: «Скажите, друзья,
Навеки-вечные жизнь кончилась чья?»
Могильщик отвечал: «Я слышал, на-днях
Пришел к нам человек, в чужих был краях.
Могилу приготовить велено нам.
Хоть на чужбине жил, придет сюда сам.
Не знает про него никто здесь из нас.
Должно быть, он придет в неведомый час.
С тех пор прошло семь дней — могила одна:
Должно быть, не близка его сторона,
Не повстречался с ним никто еще тут.
А имя странника-пришельца — Коркуд».
Едва-едва сдержал Коркуд свой испуг,
И в ужасе спешит теперь он на юг.
Без перерыва шел осенней порой,
Зима холодная сменилась весной.
Чем далее идет, тем менее страх.
Про смерть Коркуд забыл в далеких краях.
Но вот опять пред ним, грозя пустотой,
Могила новая, подобная той.
Коркуд спросил, кому готовят покой,
Кто на смерть обречен жестокой судьбой?
Ответили ему: «О, странник святой,
Увы, не знаем мы теперь тайны той!
Могила вырыта, готова давно,
Зима холодная сменилась весной.
Сказали прежде нам, что странник один
Последний вздох отдает средь здешних долин».

Чтоб душу отпустить, придет он сюда,
Его засыплет мы землей навсегда.
Не первый раз заря вставала сиять,
Сверкало солнце дня и гасло опять,
Не видел путника никто еще тут.
А имя странника-пришельца — Коркуд».
Едва речам тем вняв, Коркуд побежал,
Никто бы на коне его не догнал.
Бежит он, что есть сил, на север бежит.
О, горе! За плечами смерть сторожит!
Приходит в край иной несчастный Коркуд.
Могилу новую опять видит тут.
Тогда спросил Коркуд: «Скажите, друзья,
Навеки-вечные жизнь кончилась чья?»
Могильщик отвечал Коркуду: «Родной,
Не надо бы говорить об этом с тобой.
Никто не умирал в окрестных краях,
Пришельцу смерть принять случится на-днях.
Могилу приготовить велено нам.
Кто на чужбине жил, придет сюда сам.
Так предназначено великой судьбой.
Навеки тело мы закроем землей.
С тех пор прошло семь лет — могила одна:
Должно быть, не близка его сторона,
Не повстречался с ним никто еще тут.
А имя странника-пришельца — Коркуд».

III

Куда тебе, Коркуд, с дороги свернуть?
Коркуд остановил дальнейший свой путь.
Коркуд себе сказал: отречься готов
От прежних дум своих, несбыточных слов.
Спасенья, вижу, нет от смерти нигде.
Укроешься от ней в текучей воде,
Но лишний раз вздохнуть, увы, там нельзя.
Приводит к смерти всех живущих стезя.
Куда б ни скрылся ты, придет твой конец,
Так порешил аллах, великий творец.
И в руки домру взяв, Коркуд заиграл,
И звуком горестным Коркуд зарыдал.
Прошел тот напев по дальним степям,

Унеся жалобой к далеким краям.
Стояла на пути гора высока,
Ее туманами одела тоска.
Все птицы, бабочки теряли красу,
И дикий зверь ревел в дремучем лесу.
В последний раз струна запела, звеня,
Склонился ниц Коркуд в сияньи дня.
В могиле он лежит, безмолвно немой,
Навеки распростилось тело с душой.
И вот навеки взор Коркуда сомкнут,
И вот почил навек старец Коркуд.

1916 г.

Перев. П. Радимова.